

Ночная мгла, густая, словно чернила, тяжело легла на изогнутые карнизы Восточного дворца. Дневная суeta и потрясения давно утихли, и лишь неустанный стрекот насекомых в траве подчеркивал пугающую тишину дворцовой ночи.

В кабинете горела свеча, но ее переставили в дальний угол подальше от рабочего стола. Тусклый желтоватый свет едва освещал Сяо Цзиньняня, полулежащего на кушетке, и Сяо Линьцзы, опустившегося на табурет у его ног. Тени ложились на их лица, размывая черты и скрывая истинные выражения.

Цзиньнянь сменил парадное облачение наследного принца на простое домашнее белье, поверх которого накинуд широкий черный халат. Его темные волосы не были собраны, а свободно рассыпались по плечам, лишая его привычной властности и придавая облику неожиданную расслабленность и... хрупкость. В руках он не держал книг, лишь бессознательно перебирал пальцами гладкий нефритовый кулон, глядя на танцующее пламя свечи, словно погрузившись в забытье.

Сяо Линьцзы затаил дыхание, превратившись в тихую тень. Он по-прежнему был в своей серой, невзрачной одежде низшего евнуха, спина прямая, голова слегка опущена, руки покорно сложены на коленях в ожидании вопроса. В воздухе висело напряженное молчание, куда более пугающее, чем дневные угрозы.

Наконец Цзиньнянь заговорил. Его голос, прозвучавший в ночной тишине, казался на удивление отчетливым, с едва уловимой ноткой усталости и пытливости:

— Сегодня ты справился отлично.

— Это мой долг, Ваше Высочество, не смею принимать похвалу, — ответил Сяо Линьцзы, голос его оставался ровным и бесстрастным.

Цзиньнянь перевел взгляд с пламени свечи на опущенное лицо слуги:

— Лоза Спутанных Нитей — вещь не обычная, в дворце о ней мало кто знает. Ты... откуда тебе это известно?

Началось. Сердце Линьцзы сжалось — он понимал, что принц неизбежно будет его проверять. Нельзя казаться слишком невежественным — тогда он станет бесполезным, но нельзя и выказывать излишние познания, иначе это вызовет подозрения. Помедлив, он осторожно ответил:

— Докладываю Вашему Высочеству, в детстве у моей семьи... было кое-какое скромное имущество, и мы приглашали лекаря. Я часто играл в аптеке и, слушая его, запомнил названия некоторых трав. Тот старик был опытным человеком, он рассказывал о редких ядах и их свойствах. У меня неплохая память, вот я и запомнил. А после того как попал во дворец, в Палате разнорабочих порой приходилось иметь дело с разным аптекарским сырьем, вот и... кое-что отложилось в памяти.

Он умолчал о том, что его семья когда-то принадлежала к чиновникам, ограничившись туманным упоминанием о достатке, и списал свои знания на вымышленного лекаря и работу в Палате разнорабочих. Это объяснение выглядело правдоподобно и соответствовало его нынешнему низкому положению.

Цзинъянь молча слушал, продолжая перебирать нефрит. Неясно, поверил он или нет. Внезапно он сменил тему, голос его стал мягче:

— Как тебя звали на самом деле? До того как попал во дворец.

Тело Сяо Линьцзы едва заметно напряглось. Это имя, как и все, что за ним стояло, он давно похоронил. Помолчав, он тихо ответил:

— Ваше Высочество... мое ничтожное имя лишь оскорбит Ваш слух. По дворцовым правилам, после вступления во дворец у человека есть лишь то имя, что даровал господин.

— Я спрашиваю, значит, вины нет, — в голосе Цзинъяня прозвучала непреклонность, а взгляд стал острее, словно он пытался пронзить опущенные веки и узреть тайну, скрытую в глубине души слуги.

Линьцзы почувствовал незримое давление. Он понял, что принц требует искренности, требует доверия, выходящего за рамки отношений слуги и господина. Он закрыл глаза, а когда открыл, в них застыло спокойствие. Голос стал еще тише и глуше:

— ...Линь Су. Мое прежнее имя — Линь Су. (От слова су — «не спать всю ночь от тревог»).

— Линь Су... — Цзинъянь повторил имя, тон его оставался ровным, без гнева или радости. — Хорошее имя. Лучше, чем Сяо Линьцзы.

Эта простая оценка заставила сердце Линь Су дрогнуть. Как давно его никто не называл этим именем? Он сам почти забыл его. Имя стало словно ржавым ключом, с силой провернувшимся в замке памяти, за которым скрывались пожары, крики, холод оков и резкие окрики стражников... Он с силой сжал пальцы, спрятанные в рукавах, впиваясь ногтями в ладони, чтобы острой болью заставить себя сохранить невозмутимость.

— Благодарю, Ваше Высочество, — только и смог выдавить он.

Цзинъянь, казалось, заметил его подавленные эмоции, но не стал расспрашивать. Вместо этого он спросил:

— А того евнуха, что принес угощение, ты рассмотрел? Что можешь сказать?

Возвращение к текущей опасности помогло Линь Су выдохнуть:

— Рассмотрел. Лицо незнакомое, он не из тех, кто обычно подает чай в Восточном дворце. Походка шаткая, взгляд бежит, когда опускал поднос — пальцы дрожали, явно совесть

нечиста. На внутренней стороне воротника было пятно чернил, похожее на дешевую сосновую сажу, которую используют в Управлении строительства. Запах специфический, отстирывается плохо.

В глазах Цзиньняня промелькнуло удивление. Он не ожидал, что Линь Су столь наблюдателен, что способен заметить пятно и связать его с конкретным ведомством. Такая проницательность не свойственна обычным слугам.

— Управление строительства? — задумчиво произнес Цзиньнянь. — Прямого отношения к дворцовой кухне они не имеют. Похоже, кто-то наспех нашел случайного человека, подкупил или припугнул его, и из-за спешки остались такие следы.

— Вы проницательны, Ваше Высочество, — тихо добавил Линь Су. — Хотя он лишь мелкая сошка, по этой ниточке можно выйти на того, кто стоит за кулисами. Но действовать нужно крайне осторожно, чтобы не спугнуть змею.

— Это дело я поручаю тебе, — Цзиньнянь посмотрел на него с доверием. — Если что-то понадобится, говори напрямую Чжао Хуайяню. В Восточном дворце я верю только тебе.

— Я... не подведу Вас, — Линь Су опустил голову, но в душе его, словно камень, брошенный в глубокий омут, поднялись волны. Доверие пришло слишком быстро и оказалось слишком тяжелым бременем. Он понимал: с этого момента он по-настоящему втянут в водоворот борьбы за власть в Восточном дворце, и пути назад нет. В то же время в сердце зародилось странное, невыразимое чувство — быть нужным, быть доверенным лицом, пусть даже в этом полном опасностей дворце, — это согрело его давно остывшее сердце.

Снова воцарилось молчание. Ночной ветер заставил бумагу на окнах тихо зашуршать. Цзиньнянь дважды сухо кашлянул и нахмурился: дневной отравленный чай, казалось, все еще давал о себе знать, вызывая душевное беспокойство.

Линь Су немедленно поднял голову, в глазах мелькнула тревога:

— Ваше Высочество, Вам плохо? Может, позвать... — он осекся, поняв, что перешел границы дозволенного, и снова опустил голову. — Прошу прощения за дерзость.

Цзиньнянь лишь махнул рукой, останавливая его. Он посмотрел на юношу, который был слишком умен и сдержан для простого евнуха, и неожиданно спросил:

— Ты... умеешь играть в шахматы?

Линь Су замер, осторожно ответив:

— Немного знаю, но навык мой слишком слаб, чтобы играть с Вами.

— Ничего, — Цзиньнянь, кажется, улыбнулся, хотя в тусклом свете это было трудно разобрать.

— Завтра в это же время составишь мне партию. Ночи длинные, нужно чем-то их коротать.

Это не был вопрос, это был мягкий, но не терпящий возражений приказ. Шахматы — лишь предлог. На самом деле ему нужно наблюдать, проверять, а может, просто найти человека, которому можно доверять и с кем можно поговорить. В холодном Восточном дворце ему отчаянно нужен был кто-то, кто понимает намеки и способен на мгновение «равноправного» общения, даже если этот человек — всего лишь низкий евнух.

Линь Су все понял и покорно ответил:

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

— Хорошо, ночь уже глубока, иди отдохни, — Цзинъянь, утомленный, махнул рукой, снова откинулся на подушки и закрыл глаза.

— Покорно удаляюсь, — Линь Су поднялся, отвесил поклон и на цыпочках вышел из кабинета, бережно прикрыв за собой дверь.

Стоя в коридоре, он ощутил прохладу ночного ветра, которая помогла прояснить мысли. Он поднял голову к черному небу, где мерцали редкие холодные звезды.

Наследный принц оказался куда проницательнее и одиночественнее, чем он предполагал. За доверием скрывались глубокие кризисы и проверки. А его собственное имя, Линь Су, снова было вызвано к жизни, словно старый шрам, напоминая о том, что он несет на своих плечах.

Он крепче сжал кулаки в рукавах. Тканевый платок со следами яда жег руку, словно раскаленное железо. Евнух, принеший чай, чернила из Управления строительства... зацепки слабые, но их нельзя упустить.

После этой ночи все будет иначе. Он больше не просто Линь Су, евнух, который ищет лишь способа выжить. Он по-настоящему ступил на этот полный опасностей корабль под названием Восточный дворец.

Путь впереди труден и полон ловушек, но на душе у него стало странно спокойно. В темноте забрезжил слабый свет цели.

Только вот... неужели принц действительно позвал его играть в шахматы лишь ради того, чтобы убить время? Или в этом есть иной смысл? Линь Су слегка нахмурился, чувствуя, что мысли этого наследного принца куда глубже и непостижимее, чем кажется на первый взгляд.

Ночной ветер пронесся по двору, листва зашелестела, словно нашептывая бесчисленные тайны.

<http://bllate.org/book/21784/2252691>